

ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ФЕНОЛОГИЯ ДОЛИНЫ РЕКИ КАМЧАТКИ ORNITHOLOGICAL PHENOLOGY OF THE KAMCHATKA RIVER VALLEY

П. Н. Дьяконов, заслуженный лесовод РСФСР, орнитолог-любитель, прекрасно знал и систематически наблюдал птиц в долине р. Камчатки. В 1968 г. им была подготовлена рукопись небольшой книги «Птицы Камчатки», из которой была опубликована только часть информации (Дьяконов, 2000). Однако не все орнитологические сведения, собранные П. Н. Дьяконовым, вошли в эту рукопись. Отчеты о его фенологических наблюдениях, проведенных в 1956–1964 гг. в районе п. Козыревска (56°05' с. ш.; 159°52' в. д.), хранились в архивных документах

Управления охотничье-промыслового хозяйства Камчатки за 1950–1960-е гг. Оригиналы этих документов утеряны, но копии сведений о птицах сохранились в личной картотеке Н. Н. Герасимова. В обобщенном виде они представлены в таблице 1.

ЛИТЕРАТУРА

Дьяконов П. Н. 2000. Птицы долины реки Камчатки // Биология и охрана птиц Камчатки. М., 2: 16–25.

Таблица 1. Фенологические явления в жизни птиц у п. Козыревска в 1956–1964 гг.
Table 1. Phenology data from birds of Kozhyrevsk vicinity, 1956–1964.

Вид Species	Характер наблюдений Kind of observations	Год Year								
		1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Красношейная поганка <i>Podiceps auritus</i>	Полная кладка Completed clutch	12.06	17.06	16.06	–	–	14.06	3.06	21.06	–
Серощекая поганка <i>Podiceps grisegena</i>	Первая «песня» First «song»	12.05	–	20.05	18.05	17.05	12.05	11.05	8.05	15.05
	Полная кладка Completed clutch	13.06	11.06	15.06	–	23.06	13.06	7.06	16.06	–
	Последняя «песня» Last «song»	6.09	19.09	13.09	17.09	11.09	21.09	5.09	15.09	29.08
Беркут <i>Aquila chrysaetos</i>	Начало насиживания Start incubation	–	18.04	23.04	–	–	–	–	31.04	20.04
Бекас <i>Gallinago gallinago</i>	Начало тока Start displays	17.05	30.05	17.05	–	18.05	11.05	13.05	11.05	7.05
	Разгар тока Active displays	3.06	8.06	–	–	10.06	31.05	28.05	–	–
Озерная чайка <i>Larus ridibundus</i>	Прилет Date of arriving	9.05	4.05	7.05	2.05	4.05	3.05	28.04	4.05	6.05
	Полная кладка Completed clutch	31.05	10.06	6.06	4.06	2.06	7.06	2.06	5.06	–
	Последняя встреча Last registration	3.10	3.10	1.10	–	16.10	4.11	30.10	12.10	14.10
Полевой жаворонок <i>Alauda arvensis</i>	Прилет Date of arriving	–	18.04	17.04	19.04	21.04	21.04	17.04	20.04	18.04
	Первая песня First song	4.05	24.04	26.04	24.04	3.05	28.04	24.04	25.04	25.04
Камчатская трясогузка <i>Motacilla lugens</i>	Прилет Date of arriving	30.04	26.04	22.04	23.04	20.04	23.04	22.04	21.04	25.04
	Последняя встреча Last registration	3.09	22.08	28.08	–	29.08	–	30.08	21.08	11.09
Сорока <i>Pica pica</i>	Начало кладки Start egg-laying	7.05	–	2.05	–	–	–	27.04	9.05	16.05
	Молодые на крыле Juveniles	4.08	–	2.08	–	29.07	7.08	–	1.08	–
Черная ворона <i>Corvus corone</i>	Весенние игры Spring displays	9.03	21.04	20.4	13.04	–	28.03	–	3.04	11.04
	Молодые на крыле Juveniles	26.07	2.08	23.7	–	7.08	1.09	29.07	–	12.08
	Возвращение в поселок Return to settlement	24.10	9.11	24.10	29.10	31.10	2.11	13.11	3.11	3.09
Овсянка-ремез <i>Emberiza rustica</i>	Полная кладка Completed clutch	7.06	31.05	7.06	16.06	3.06	17.06	31.05	6.06	–

П. Н. Дьяконов

ЗИМНИЕ ВСТРЕЧИ С ПЕРЕЛЕТНЫМИ ПТИЦАМИ В ГОРОДЕ ЕЛИЗОВО WINTER REGISTRATIONS OF SUMMER VISITOR BIRDS IN ELIZOVO TOWN

Зимними сезонами в 2004–2006 гг. в г. Елизово и его окрестностях наблюдали некоторых воробьиных птиц, считающихся перелетными, и ранее зимой на Камчатке не отмечавшихся.

Камчатская трясогузка *Motacilla lugens*. В южной части п-ова Камчатка последние осенние встречи обычно бывают в период с 7 по 23 октября (Лобков, 1986). Отдельные особи иногда задерживаются в районе г. Елизово по р. Аваче до ноября (22 ноября 2000 г.) и даже декабря (29 декабря 1977 г.). Но такие поздние встречи до сих пор были единичными, случайными за большой период непрерывных наблюдений. Весной камчатская трясогузка на юго-восточном побережье появляется 9–18 апреля, в среднем за 9 лет – 14 апреля (Лобков, 1986).

Зимой 2004/05 гг. впервые камчатских трясогузок несколько раз наблюдали в границах г. Елизово и поблизости от него в течение всего снежного периода года. Трижды (7 ноября, 16 января и 23 марта) одиночные птицы держались на реках Авача и Пиначева в тех местах, где, благодаря низкому уровню воды, были представлены сравнительно обширные (50–100 м) участки незасыпанных снегом песчано-галечниковых отмелей и пляжей, и где левый берег (южной экспозиции), хотя бы на небольшом протяжении (30–70 м), был лишен снега и представлен склоном, заросшим прошлогодней растительностью. Кроме того, 25 марта 2005 г. одиночная трясогузка отмечена непосредственно в жилой части города (микрорайон «Ягодный») в пойменном лесу на месте слива на поверхность теплых канализационных стоков, образовавших нечто подобное рукотворным «термальным источникам» площадью около 0,5 га с теплыми водотоками, грязью, илом, свободными от снега участками прошлогодней растительности. Эти стоки дренируют в руч. Хуторской, впадающий в р. Авачу.

Можно полагать, что находки камчатских трясогузок в ноябре и даже в январе относятся к поздним задержкам отдельных особей, а мартовские встречи объясняются необычайно ранним весенним прилетом. Для относительно малоснежных зим, какие в г. Елизово в последнее время случаются чаще, такое объяснение кажется вполне вероятным. Но сезон 2004/05 гг. отличался относительной многоснежностью. Возможно, в этот сезон, по меньшей мере, несколько трясогузок провели в Елизово зиму. И если это так, то это первый установленный случай зимовки камчатских трясогузок на Камчатке.

Объектами питания трясогузок зимой на заболоченных канализационных стоках могли быть насекомые, в частности, так называемые «крыски» – личинки мух-журчалок *Syrphidae*, *Diptera* и мелкие двукрылые комары *Limoniidae*, *Chironomidae*, жизнедеятельные в теплых слоях грязи и на теплой поверхности, а также измельченные остатки пищевых продуктов, выносимые течением. На берегу реки 16 января 2005 г. трясогузка поедала вареные икринки лососевых рыб, которые рыбаки обычно используют в качестве приманки для ловли гольцов. Не-

сколько икринок были рассыпаны среди гальки. Здесь же кормились черные вороны *Corvus corone*. Причем, обычно спокойно относящиеся к трясогузкам летом, на этот раз несколько черных ворон «организовали» настоящую коллективную охоту. Едва увернувшись от агрессивных ворон, трясогузка вынуждена была покинуть берег реки. Кроме того, трясогузка что-то склевывала с камней, лежащих у воды. Вероятно, это были личинки ручейников *Grossoma intermedium*, песчаные домики которых мы нашли во множестве на нижней и боковой поверхности камней, оказавшихся на пляже из-за низкого уровня воды в реке.

Следующей зимой 2005/06 гг. камчатскую трясогузку наблюдали на уже упоминавшихся канализационных стоках в Ягодном 15 декабря, а по рекам Половинка и Авача в черте г. Елизово – 10 и 19 декабря. Неоднократные декабрьские встречи с трясогузками в 2005 г. можно связать с малоснежьем. Действительно, в Елизово и непосредственно вокруг города в начале зимы снега было так мало, что повсюду были видны оголенные участки грунта и прошлогодняя травянистая растительность. Так продолжалось до середины января, пока не прошла череда многоснежных циклонов. В январе, феврале и марте 2006 г. мы неоднократно посещали берега рек и канализационные стоки, но ни разу трясогузок не видели.

Таким образом, можно говорить о том, что поздние задержки камчатских трясогузок в г. Елизово в последние годы участились, чему способствует, в частности, малоснежье, и что возможна даже зимовка отдельных особей.

Бурый дрозд *Turdus eunomus*. Осенний пролет на большей части полуострова проходит незаметно, обычно к концу августа и в течение сентября бурых дроздов не остается на Камчатке (Лобков, 1986, 2002). Зимних встреч у нас до сих пор не было, но на возможность этого указывала опросная информация, порой поступавшая к нам от местных жителей в течение последних 5–6 лет, к сожалению, не подтвержденная точными данными.

Впервые бурых дроздов мы наблюдали зимой в г. Елизово 23 января 2005 г. С этого дня до самой весны пять птиц (все вместе или группами и поодиночке) держались примерно в одном небольшом районе города: «микрорайон Ягодный – Второй бугор». Их наблюдали многократно, почти всякий раз, когда посещали это место. Пока было много ягод, сохранившихся с осени на деревьях и кустах, дрозды предпочитали питаться рябиной *Sorbus aucuparia* среди дачных участков на окраине города, реже поедали остававшиеся на кустах ягоды красной смородины *Ribes triste*. Неоднократно дроздов видели на лиственницах *Larix cajanderi*, белых *Betula platyphylla* и каменных *B. ermanii* березах. Возможно, они поедали семена и почки этих древесных пород. К последней декаде февраля ягод рябины почти не осталось, к концу февраля и началу марта заметно меньше стало смородины. С этого времени дроздов

все реже замечали в окрестностях дач. С 24 по 28 марта 2005 г. их неоднократно наблюдали на луже, куда сбрасывали пищевые остатки из местной столовой, а постоянным местом пребывания стали уже упоминавшиеся нами канализационные стоки в пойменном лесу на свободных от снега заболоченных участках. В качестве мест ночевки дрозды, возможно, использовали расположенные рядом заброшенные строения, куда неоднократно залетали и откуда вылетали с голосом.

Признаки весеннего оживления среди бурых дроздов стали замечать в последней декаде февраля, когда обычная до того стая из пяти особей разбилась на пару и одиночек, и птицы преследовали друг друга. Активным брачное поведение стало в первой декаде апреля, когда бурые дрозды много пели.

Таким образом, мы можем говорить о подтвержденной зимовке (впервые для Камчатки) небольшого количества бурых дроздов в г. Елизово в 2004/05 гг. Нигде более в ту зиму мы их не наблюдали.

На следующую зиму 2005/06 гг. бурого дрозда впервые видели в этом районе 11 декабря: одиночная птица кормилась облепихой *Hippophae rhamnoides* и красной смородиной возле дачных участков. 24 января двух дроздов обнаружили на уже упоминавшихся канализационных стоках в пойменном лесу. Они вели себя незаметно, держались на земле, перебегали по свободным от снега участкам, тихо перекликались, и что-то склевывали с травы, возможно, мелких двукрылых, а также мелкие остатки пищи, в том числе части ягод и фруктов, выносимые течением на отмель. 3 февраля под деревом, на котором обычно сидел один из дроздов, здесь же, на канализационных стоках, обнаружили несколько мелких погадок, состоящих из остатков ягод малины *Rubus idaeus* и красной смородины, а 14 февраля нашли несколько перьев, возможно принадлежащих этому виду (быть может, один из дроздов погиб). Следующий раз двух дроздов вновь нашли на канализационных стоках 24 марта, одна из птиц тихо пела. К этому времени здесь ожило много разных беспозвоночных: малощетинковые черви *Oligochaeta*, хирономи-

ды и другие мелкие насекомые, пауки *Arachnoidea*. Пару дроздов мы продолжали наблюдать и в апреле. Нигде более других дроздов в зиму 2005/06 гг. в Елизово и его окрестностях мы не видели.

Юрок *Fringilla montifringilla*. Осенью покидает п-ов Камчатка в течение сентября (Лобков, 1986, новые сведения). Неожиданной стала встреча с птицей этого вида 6 марта 2005 г. возле животноводческого комплекса совхоза «Пограничный». А 25 марта 2005 г., по крайней мере, несколько юрков оказались среди птиц, кормившихся на свободных от снега участках прошлогодней растительности и грязи возле упоминавшихся теплых канализационных стоков в микрорайоне «Ягодный». 20 апреля 2005 г. они активно пели.

Едва ли в данном случае можно говорить о раннем весеннем прилете юрков, поскольку обычно они появляются весной на Камчатке не ранее, чем 5–22 мая, в среднем 14 мая (Лобков, 1986). Скорее, некоторое число юрков провели в 2005 г. в г. Елизово зиму. Это первый случай зимовки птиц этого вида на Камчатке.

На следующую зиму, в период с ноября 2005 г. по март 2006 г., юрков мы нигде не наблюдали.

Собранные нами факты о зимних встречах некоторых перелетных птиц мы не считаем случайными. Зимовку бурых дроздов и юрков в Елизово в период с 2004 по 2006 гг., участвовавшие поздние задержки здесь камчатских трясогузок в эти же годы и их возможную зимовку мы связываем с тенденцией повторяемости в Елизово относительно малоснежных зим в течение последних лет.

ЛИТЕРАТУРА

- Лобков Е. Г. 1986. Гнездящиеся птицы Камчатки. Владивосток: 1–304.
Лобков Е. Г. 2002. Фауна и население птиц // Растительный и животный мир Долины гейзеров. Петропавловск-Камчатский: 139–257.

Е. Г. Лобков, Р. В. Бухалова

О МИГРАЦИИ НЕКОТОРЫХ ВОРОБЬИНЫХ ПТИЦ ЧЕРЕЗ ОХОТСКОЕ МОРЕ ABOUT MIGRATION OF PASSERINE BIRDS ACROSS THE SEA OF OKHOTSK

Выполняя наблюдения за миграцией водных и околоводных птиц в различных точках западного и юго-западного побережья Камчатки, мы попутно собирали материал по срокам миграции воробьиных птиц. Особый интерес для нас представляли факты регулярных встреч лесных воробьиных птиц в нетипичных для них стациях: на прибойной полосе и в примыкающих к ней зарослях травянистых растений, в приморских тундрах.

Показателен в этом плане район устья р. Моршечной (56°50' с. ш., 156°10' в. д.). Река здесь отделена от моря 20-километровой низменной косой,

ширина которой достигает 1,5 км. Древесная растительность на косе и на тундре по правобережью реки отсутствует полностью.

Обычными гнездящимися видами на косе являются лапландский подорожник *Calcarius lapponicus*, полевой жаворонок *Alauda arvensis*, краснозобый *Anthus cervinus* и сибирский *A. gustavi* коньки, камчатская *Motacilla lugens* и желтая *M. flava* трясогузки, охотский сверчок *Locustella ochotensis*. Вероятно, гнездится варакушка *Luscinia svecica*. Регулярно отмечаются на кочевках обыкновенная чечетка *Acanthis flammea* и пуночка *Plectrophenax nivalis*, реже –

сибирский горный вьюрок *Leucosticte arctoa*. Однако присутствие этих видов на косе не является признаком их вероятной миграции через море.

Из лесных воробьиных птиц самым многочисленным видом весной на косе р. Морошечной является юрок *Fringilla montifringilla*. Прилет первых птиц мы отмечали 10 мая 1975 и 1976 гг., 13 мая 1977 г. и 14 мая 1990 г. Активная миграция приходится на III декаду мая. Юрки держатся одиночками и маленькими стайками до десятка особей.

Вторая по численности – овсянка-ремез *Emberiza rustica*. Самая ранняя регистрация этого вида на косе – 10 мая 1976 г. В другие годы появление овсянок-ремезов отмечалось несколько позднее: 16 мая 1977 г., 22 мая 1983 г., 16 мая 1990 г. Эти сроки наблюдений приходились, очевидно, на начало активной миграции, которая в III декаде мая здесь уже завершается.

Из других овсянковых птиц весной на косе регулярно наблюдались полярные овсянки *E. pallasi* (встречались в период с 15 по 22 мая 1990 г.) и дубровники *E. aureola* (1–2 июня 1990 г.).

Мигрирующие синехвостки *Tarsiger cyanurus* встречены 16–22 мая 1990 г. Одновременно мы видели до 3 птиц вместе.

В III декаде мая на косе регулярно встречались оливковые дрозды *Turdus obscurus* (по 1–2 птицы), значительно реже – бурые дрозды *T. eunomus*. Датой самой ранней регистрации для обоих видов было 21 мая 1990 г.

Появление малых мухоловок *Ficedula parva* на косе регистрировалось 21 мая 1983 и 1990 гг. Во втором случае мы видели не менее 4 птиц за день. В этот год мухоловки регулярно наблюдались на косе до 2 июня.

В 1990 г. в день массового появления на косе лесных птиц – 1 июня – мы видели здесь несколько сибирских мухоловок *Muscicapa sibirica* и бурых пеночек *Phylloscopus fuscatus*. Со следующего дня миграция последнего вида стала более интенсивной, птицы встречались группами по несколько особей.

Чечевицы *Carpodacus erythrinus*, кормящиеся на берегу моря, наблюдались также 1 июня 1990 г. Вечером один самец устроился на ночевку среди выброшенных на берег досок и бревен. В этот же день поблизости был встречен соловей-красношейка *Luscinia calliope*.

По осенней миграции лесных птиц мы располагаем меньшим материалом. В 1989 г. одиночные дубровники встречались на косе в I декаде августа, миграция полярных овсянок началась 15 числа этого

месяца. В 2004 г. с 7 по 10 августа ежедневно с наступлением темноты в течение 1–3 часов были слышны голоса сибирских мухоловок, летящих над косой в сторону моря. Днем одиночные мухоловки также встречались на косе, в том числе несколько птиц было поймано паутиными сетями.

На юго-западном побережье на участке от устья р. Опалы до м. Левашова в аналогичных береговых биотопах мы также встречали весной лесных воробьиных птиц. Прежде всего, это относится к юркам и овсянкам-ремезам (Герасимов, Остапенко, 2006). Значительно реже, но также регулярно регистрировались бурые дрозды, синехвостки и малые мухоловки.

Наблюдая весеннюю миграцию птиц в различных точках западного побережья Камчатки, мы много раз становились свидетелями подлета воробьиных птиц одиночками и небольшими стайками к берегу непосредственно со стороны моря. В отдельных случаях даже удавалось отмечать птиц, приближающихся к берегу перпендикулярно, в полевую 40-кратную трубу на расстоянии не менее 2–3 км от берега.

Во всех пунктах наблюдения воробьиные птицы на берегу появлялись весной во время штилевой погоды, либо при юго-западном ветре. Наличие осадков значения не имело.

Наши наблюдения на западном побережье Камчатки позволяют говорить о том, что значительное число воробьиных птиц весной и осенью не летят через Курильские о-ва. Эти птицы пересекают Охотское море, перелетая над водой расстояние 900 и более км между Камчаткой и Сахалином. При сравнении наших материалов с наблюдениями Е. Г. Лобкова (2004) на м. Лопатка, обращает на себя внимание, что именно те виды, которые регулярно отмечались нами, были малочисленны на южной оконечности полуострова. И, напротив, мы не видели на берегу самых многочисленных осенних мигрантов м. Лопатка – китайских зеленушек *Chloris sinica* и камышовых овсянок *Emberiza schoeniclus*.

ЛИТЕРАТУРА

- Лобков Е. Г. 2004. Осенняя миграция сухопутных птиц на мысе Лопатка // Биология и охрана птиц Камчатки. М., 6: 15–42.
Герасимов Ю. Н., Остапенко В. А. 2006. Материалы по гнездящимся птицам Юго-Западной Камчатки // Там же. М., 7: наст. сб.

Ю. Н. Герасимов, Н. Н. Герасимов

НОВЫЕ НАХОДКИ СЕРОЙ ЦАПЛИ *ADREA CINEREA* НА КАМЧАТКЕ NEW RECORDS OF GRAY HERON *ADREA CINEREA* ON KAMCHATKA

Серая цапля – редкий, регулярно залетный вид, занесенный в Красную книгу Камчатки.

Работник рыбоохраны В. В. Квитко (личн. сообщ.) наблюдал серую цаплю на окраине п. Ключи 10–12 июня 2005 г. Птица стояла на полузатопленной косе р. Камчатки и на прошедшую моторную лодку никак не отреагировала. Этот же корреспон-

дент в 1998 и 1999 гг. видел серую цаплю на оз. Халактырском на окраине г. Петропавловска-Камчатского. По сообщению В. В. Квитко, он хорошо знаком с этим видом, так как много раз наблюдал его в европейской части России.

А. А. Писковецкий

ЗАМЕТКИ О СИБИРСКОМ ПЕПЕЛЬНОМ УЛИТЕ *HETEROSCELUS BREVIPES* НА КАМЧАТКЕ NOTES ON GRAY-TAILED TATTLER *HETEROSCELUS BREVIPES* ON KAMCHATKA

Сибирский пепельный улит – слабо изученный вид Камчатки. На основании летних находок взрослых птиц его гнездование предполагается на большей части территории Камчатки, однако доказано только для р. Ачайваям (Кишинский, 1980) и Кроноцкого заповедника (Лобков, 1986).

Начиная с 1964 г. ряд лет автором велись наблюдения за летне-осенними изменениями численности сибирского пепельного улита в районе Авачинской губы. В 1967, 1968 и 1970 гг. в юго-западной части полуострова и на о. Карагинском проводились специальные учеты этих куликов. Работы осуществлялись на пешеходных маршрутах и с моторной лодки. Общая протяженность учетных маршрутов в эти годы составила 476 км.

Исключительное обилие сибирских пепельных улитов на побережьях Авачинской губы и в дельтовой части впадающих в нее рек было отмечено в 1967 г. Так, 29 августа 1967 г. при следовании на лодке вдоль побережья губы мы отметили многие десятки улитов на приустьевых участках рек Авача, Тихая, Грязнуха. Далее от м. Зайчик в сторону бух. Турпанка на 2 км каменистого побережья Авачинской губы учтены 35 этих куликов. Столь же обильны в это время они были и по берегам рек. Высокая их численность здесь сохранялась еще и в первые две декады сентября.

В таблице 1 приведены учетные данные, полученные нами в разных пунктах Камчатки.

Таблица 1. Результаты учетов сибирских пепельных улитов на Камчатке.
 Table 1. Counting data of Gray-tailed Tattler on Kamchatka.

Район работ Area of studying	Дата учета Date of count	Длина маршрута, км Length of count transect, km	Учтено Counted	
			Всего особей Individuals	Особей/км Individuals/km
Юго-западное побережье South-west coast	23–30.07 1967 г.	71,0	4	0,06
Авачинская губа Avacha Bay	2–13.09 1967 г.	90,0	55	0,61
О. Карагинский Karaginskiy Island	23–30.06 и 2–20.07 1969 г.	71,5	4	0,06
	7–27.07 1970 г.	173,5	253	1,46
	25.09–01.10 1970 г.	68,0	51	0,75

Высокой численность сибирских пепельных улитов в районе Авачинской губы была и летом 1983 г. 9 августа на 4–4,5 км русла р. Хламовитки нами учтены 3, 2, 1, 1, 12, 12 и 2 – всего 33 особи этого вида. 11 августа на 14 км рукавов дельты р. Авачи встречены 27, а на другой день на одном километре речного «аппендикса» поднята стая сибирских улитов из 28 птиц.

Летом на о. Карагинском первые сибирские пепельные улиты отмечались нами в 1969 г. 28 июня, на следующий год – 7 июля. Эти, возможно, подлетевшие с севера птицы держатся в стайках по 3–6, редко до 15 особей на каменистых участках морских побережий. Лишь однажды – 24 июля 1970 г. – на северо-западном побережье острова мы наблюдали стаю этих улитов числом не менее 150 птиц. В то же время единичные, не исключено, что гнездящиеся, птицы этого вида встречались нами на горных ручьях и в верхней части русел рек. В сентябре улитов с одинаковым успехом можно встретить на берегу моря и у пресного водоема. Так, 30 сентября 1970 г. в северо-западной части о. Карагинского автор и В. Ф. Гаврин провели учет птиц на 14,5-километровом маршруте. На 2,5 км песчаного морского берега были встречены 3, на 2 км галечникового русла ручья – 1 и на 10 км всхолмленной тундры по озерам и ключикам – 5 одиночных сибирских пепельных улитов.

В 1967 г. в районе бух. Камбальной (юго-западное побережье Камчатки) первые кочующие сибирские пепельные улиты были учтены 23 и 24 июля, но затем здесь до конца этого месяца не встречены.

Первыми в период летне-осенних кочевек на Камчатке появляются взрослые не размножавшиеся в текущем году особи. Добытые нами в июне – июле в разных районах 5 самок имели неразвитые гонады. Также не размножавшимися в прошедшем гнездовом сезоне оказались и 2 взрослые самки, отстрелянные 29 сентября 1970 г. на о. Карагинском. Их яичники имели размеры 5,5×3,0 мм и 6,0×2,5 мм с микроскопическими фолликулами, ширина их прямых яйцеводов не превышала 1,2 мм.

Последних сибирских пепельных улитов осенью мы наблюдали на о. Карагинском 7 октября, на р. Аваче 14 октября. В то же время, очевидно, требуют внимания сообщения егерей заказника «Остров Карагинский» А. Кузнецова и В. Колегова о зимовках единичных куликов этого вида на незамерзающих ключах острова. Подобные сообщения, как раньше и Ю. В. Аверин (1948), мы получали от охотников-промысловиков южной части п-ова Камчатка. Те и другие корреспонденты уверяли, что не путают этот вид с зимующим там же горным дуплем *Gallinago solitaria*.

Таблица 2. Размеры (мм) сибирских пепельных улитов, добытых на Камчатке.
Table 2. Measurements (mm) of Gray-tailed Tattlers on Kamchatka.

Параметр Character	Ad ♂ (n = 1)	Ad ♀ (n = 7)	Juv (n = 5)
Длина тела Total length	267	268	263
Размах крыльев Wingspan	515	513	493
Длина крыла Wing length	167,0	165,5	163,0
Длина клюва Culmen length	–	37,1	36,3
Длина цевки Tarsus length	32,7	31,9	30,3
Длина хвоста Tail length	71,0	66,1	59,0

В летне-осенний период в трех районах Камчатской области нами были взяты стандартные промеры с 13 сибирских пепельных улитов (табл. 2).

На о. Карагинском добыты 6 самок сибирского пепельного улита. Четыре июльские птицы имели массу тела от 97,8 до 143,5, в среднем 109,7 г. Две самки 29 сентября 1970 г. весили 157,2 и 180,6 г. Масса 3 молодых самцов, добытых 30 сентября и 7 октября 1970 г., составляла 114,0, 124,0 и 127,4 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверин Ю. В. 1948. Наземные позвоночные Восточной Камчатки. М.: 1–223.
 Кищинский А. А. 1980. Птицы Корякского нагорья. М.: 1–336.
 Лобков Е. Г. 1986. Гнездящиеся птицы Камчатки. Владивосток: 1–304.

Н. Н. Герасимов

К БИОЛОГИИ БЕРЕГОВОЙ ЛАСТОЧКИ *RIPARIA RIPARIA* НА КАМЧАТКЕ ON THE BIOLOGY OF BANK SWALLOW *RIPARIA RIPARIA* ON KAMCHATKA

Береговая ласточка, или береговушка, *Riparia riparia* – один из слабо изученных видов птиц в фауне Камчатки, и любая информация, дополняющая известные сведения (Лобков, 1986), представляет интерес.

В 2003–2005 гг. на территории г. Елизово и непосредственно у его границ по берегам р. Авачи и ее крупнейших притоков изучены три колонии птиц этого вида. Установлена их численность, описано размещение гнездовых нор в зависимости от характера грунта, определены их размеры, выяснены некоторые особенности биологии. Начало наблюдениям в 2003 г. положено в рамках учебно-исследовательского проекта Центра дополнительного образования детей «Луч» Елизовского городского отдела народного образования (исполнитель Р. Бухалова, руководитель Н. К. Коптелова), в 2004–2005 гг. все полевые наблюдения выполнены Н. К. Коптеловой. Основной объем информации об образе жизни береговушек был собран в 2005 г. в колонии № 2.

Размещение, численность колоний, их динамика. Береговая ласточка – один из характерных обитателей берегов р. Авачи в окрестностях г. Елизово. Ее численность и размещение динамичны. В районе сопки Лысой 40–50 лет назад существовала крупная колония из сотен пар. В настоящее время береговушки там не гнездятся, и обрывов, подходящих для размещения колоний такого размера, нет.

В последние 10 лет крупнейшая в районе Елизово колония береговушек (№ 1) существовала на левом берегу одного из рукавов р. Авачи вблизи нижнего городского моста, где течение реки подмывает обрывистый, высотой до 10 м, песчано-пемзовый берег. В 2003 г., в сезон своей максимальной численности,

колония насчитывала 75 нор, 20 из которых (26,7 %) были заселены. В 2004 г. обитаемых нор было не более 10, а в 2005 г. осталось всего две. Важнейшая причина сокращения этой колонии, на наш взгляд, – возросший фактор беспокойства. Прилегающий к реке лес стал популярной зоной отдыха горожан: на краю речного обрыва над колонией появились кострища, стол, детские качели, в этом районе регулярно проводятся массовые молодежные игры, известны случаи раскопок гнезд подростками. Кроме того, обрыв постоянно разрушается из-за выветривания песчано-пемзовых пород, подмыва склона и тем самым меняет свои очертания. Наконец, в этом районе высока численность черных ворон *Corvus corone*, которые способны ловить слетков ласточек-береговушек (такие случаи мы наблюдали в других колониях на Камчатке).

Вторая по численности колония (№ 2) возникла, вероятно, недавно и ныне растет. Она найдена на левом берегу р. Пиначева выше микрорайона «5-я стройка». В 2004 г. в ней было 11 нор, из которых, по крайней мере, 8 (72,7 %) были заняты птицами. В 2005 г. мы насчитали здесь 36 нор, 23 (63,9 %) из них оказались жилыми.

Третья колония (№ 3), состоящая всего из трех нор, расположена на правом берегу р. Авачи выше города в районе 37 км автотрассы Елизово – Коряки.

Показатели годового прироста размеров колоний. В 2003 г. колония № 1, уже существовавшая не один год, увеличилась в численности. До прилета ласточек она занимала берег на протяжении 45 м и насчитывала 50 нор, а с началом размножения – 57 м и 75 нор. Норы были вырыты в самой верхней части склона в 0,6–1,5 м от верхней кромки обрыва. Так что колония представляла собой узкую полосу

вдоль верхнего края склона, площадь которой до начала размножения составляла приблизительно $40,5 \text{ м}^2$, в период размножения – $51,3 \text{ м}^2$.

Показатели роста колонии № 2 оказались значительно выше. Так, количество нор за один год увеличилось здесь в 3,3 раза (жилых – в 2,9 раза), протяженность колонии возросла с 38 до 60 м. Все норы расположены в верхней части обрыва в 15–85 см от верхней кромки. Таким образом, колония представляет собой полосу вдоль обрывистого обнажения, еще более узкую (0,7 м) по сравнению с поселением № 1. Площадь колонии возросла приблизительно с $26,6$ до 42 м^2 .

Размещение нор в колонии № 2 в 2005 г. Протяженность участка обрыва, на котором расположены норы в этой колонии, в 2005 г. составила 60 м, высота – 4,2 м. Верхнюю часть обнажения мощностью от 0,05 до 0,7 м занимает дерн и почва, затем следует песчаный слой толщиной 0,2–0,3 м, а под ним находятся вулканические породы со слоями пепла. Среди вулканических пород встречаются полосы желтого песка от 3 до 9 см, а местами красный кирпич.

Размещение нор в границах этой площади неравномерное. Мы выделили шесть участков с жилыми норами (1, 1, 2, 4, 8 и 11 нор), разделенных незаселенными участками склона, превышающими по протяженности среднее расстояние между гнездами. Размещение нор, в общем, соответствует участкам с мягким (песчаным) грунтом. Расстояние между норами от 2 до 80, в среднем ($n = 14$) $25,1$ см. Жилые норы, в которых размещаются гнезда, составляют 63,9 %; остальные – полностью вырытые, но по какой-то причине в текущем сезоне не заселенные, и недостроенные.

Размеры нор и их пространственная ориентация. Длина нор составляет от 30 до 79, в среднем ($n = 19$) $51 \pm 14,4$ см. В зависимости от характера грунта (его твердости, наличия препятствий), норы ($n = 35$) чаще бывают направлены перпендикулярно плоскости обрыва (85,75 %), либо имеют наклонную траекторию влево (5,7 %), вправо, вниз или вверх (по 2,85 %). Размеры летка составили 5×7 , 5×10 , 7×9 см. Возле нор обычно есть различные выступы, неровности песчаного обнажения, за которые цепляются ласточки. Семь нор (19,4 %) построены на свежем, недавно обнажившемся склоне после обрушения небольшого участка, где ранее уже существовали норы. В 6 норах (26,1 %) со стен в большем или меньшем количестве свисают корни травянистых растений. У некоторых нор были разрушены наружные края

Некоторые черты биологии. Только что прилетевшие весной береговушки обычно держатся группами и стайками. Брачное поведение, формирование пар наблюдается сразу в первые же дни (особенно если прилет поздний) или спустя несколько дней, если прилет ранний. Некоторые из только что прилетевших ласточек уже держатся парами. Характерной чертой брачного поведения являются полеты парами или по трое над сушей и водой с мягкими журчанием звуками «чир–чир». Такое поведение мы наблю-

дали не только при формировании пар, но и в период откладки яиц. Пока происходит выбор нор, ласточки могут по несколько особей залезать в одну норку, или посещать разные норы. Но когда выбор сделан, брачные партнеры активно защищают нору от других птиц. Они не только активно прогоняют садящихся рядом чужаков, но и постоянно реагируют голосом на пролетающих очень близко птиц из других пар.

Норы ремонтируют и роют оба партнера, но потом одна птица (вероятно, самец) приносит материал, другая строит гнездо. Строительным материалом служат сухие стебли злаков и кроющие перья крачек и чаек, которые ласточки собирали в нашем случае в основном на галечной речной косе, где чайковые птицы обычно отдыхают. Прежде, чем залететь с пером в норку, птица делает несколько кругов, возможно, в ожидании момента, когда партнер будет готов принять материал.

Спариваний мы не наблюдали, но заметили несколько попыток к этому в полете.

Когда с началом гнездования часть карниза над обрывом обрушилась, и несколько гнезд погибли, ласточки приступили к повторному гнездованию (что, кстати, стало одной из причин растянутости сроков размножения в колонии).

Количество яиц в кладках мы не определили, птенцов в гнезде было от 2 до 5, обычно 3–4. Их вылупление не трудно установить по поведению родителей, которые выносят скорлупу яиц и выбрасывают вблизи нор. Также береговушки выносят капсулы с пометом, выбрасывая их в сторону противоположного берега. Эмбриональная смертность не велика: из 18 проверенных гнезд лишь в 3 (16,7 %) по окончании размножения мы обнаружили по одному оставшемуся яйцу, либо неоплодотворенному, либо с неразвившимся зародышем.

В поисках корма береговушки улетают, как минимум, на расстояние до 2 км от колоний, но в основном держатся поблизости от нее. Летают они не только над рекой, но и над прилегающими к ней участками суши.

Подростки птенцы передвигаются ближе к краю норки (в момент кормления хорошо слышны их голоса), а за несколько дней перед вылетом они сидят на самом краю, и их хорошо видно снаружи. Передвигаясь по норке, птенцы, вероятно случайно, постепенно растаскивают материал, из которого было выстроено гнездо. Поэтому его можно увидеть и у края нор, и под ними.

Отмечена постэмбриональная смертность птенцов. Мы нашли двух погибших птенцов, один из которых был совсем маленьким, второй – заметно подросшим (длина тела 8,5 см).

Вылет птенцов происходит на 13–14 день после вылупления. Одновременно или за короткое время на крыло могут подниматься птенцы из нескольких нор. В этом случае возникает впечатление «массового» вылета. В целом же, сроки подъема на крыло птенцов в одной колонии могут быть растянуты до двух недель и более. В колонии № 2 в 2005 г. вылет птенцов произошел в период с 23 июля по 15 августа

как бы четырьмя волнами с промежутками между ними по 4–9 дней. Приходилось наблюдать, как родители буквально «выманивали» молодых из норы. Только что покинувшие нору молодые особи, помимо характерной ювенильной окраски оперения, хорошо отличаются от взрослых птиц поведением – более частыми взмахами крыльев и голосом. Постоянно щебеча, они следуют за одним из родителей. В это время встречаются стайки по 4–6 особей. Кроме того, молодые ласточки-береговушки охотно садятся на ветви деревьев. В нашем случае в колонии № 2 слетки, покинувшие гнезда первой группой, выбрали для отдыха сухое дерево на противоположном берегу реки в 40 м от колонии, собираясь при этом стаями до 27–30 особей.

Поднявшиеся на крыло молодые хорошо летают, но первые 1–2 дня (может быть и более) взрослые подкармливают их в норах, либо снаружи, когда слетки сидят у входа, уцепившись за выступы грунта или корни растений. При этом родители садятся рядом или передают корм налету. Наблюдалось кормление и в воздухе. Молодых, ошибившихся норой, взрослые птицы прогоняют.

Видовой состав насекомых, потребляемых береговушками в пищу, мы специально не изучали. Но попутно установили, что в основном это были обычные для р. Авачи веснянки Plecoptera, поденки Ephemeroptera, ручейники Trichoptera и комары-хирономиды Chironomidae, собирающиеся скоплениями возле береговых обрывов, над водной гладью, над плавником. Кроме того, ласточки ловят массовые виды тлей Aphidinea, летающих вблизи деревьев.

Ласточки активно прогоняют вблизи колоний со-року *Pica pica* и черную ворону. Был случай, когда в одну из норок попыталась проникнуть (видимо, случайно) камчатская трясогузка *Motacilla lugens*, что также вызвало активную защитную реакцию хозяев.

Периодические явления. Общее время пребывания береговушек в колониях составляет в разные годы от 64 до 76 дней (табл. 1). Сроки размножения отдельных пар различаются, и в целом период размножения в колонии растянут.

ЛИТЕРАТУРА

Лобков Е. Г. 1986. Гнездящиеся птицы Камчатки. Владивосток: 1–304.

Таблица 1. Фенологические явления в жизни береговых ласточек в 2003–2005 гг.

Table 1. Phenology of Bank Swallow in 2003–2005.

Фенологические наблюдения Phenology	2003	2004	2005
Первая встреча весной Date of arriving	7.06	5.06	3.06
Формирование пар Pairs bond	–	9–12.06	3.06
Гнездостроение Nest building	9–21.06.	–	17.06–10.07
Откладка яиц Eggs laying	21.06–7.07	–	26.06–2.07
Начало вылупления Hatching start	7.07	11.07	10.07
Регистрация слетков Fledglings registration	16.07	–	23.07–15.08
Последняя встреча осенью Last registration	10.08	12.08	18.08

Е. Г. Лобков, Н. К. Коптелова

НАБЛЮДЕНИЯ АЛЬБАТРОСОВ В ПРИКАМЧАТСКИХ ВОДАХ ОХОТСКОГО МОРЯ RECORDS OF ALBATROSSES IN THE KAMCHATKA WATERS OF THE SEA OF OKHOTSK

Во время учетных траловых работ по программе ФГУП «КамчатНИРО» на СРТМ-К «Профессор Пробатов» со 2 июля по 23 августа 2005 г. в восточной части Охотского моря мы попутно проводили наблюдения за морскими птицами, главным образом, с целью регистрации редких видов альбатросов. Судно выполняло донные учетные траления по разрезам, проходящим перпендикулярно изобатам на расстоянии 15–25 миль друг от друга. Основной район работ включал в себя шельфовую зону с глубинами от 15 до 200 м между 51°15' и 57°25' с. ш. Дополнительно траления были проведены на материковом свале на участке 53–55° с. ш. в диапазоне глубин от 201 до 560 м и в южной части зал. Шелихова над глубинами 45–134 м. Зарегистрированы три вида северо-тихоокеанских альбатросов.

Белоспинный альбатрос *Diomedea albatrus*. Отмечено 5 случаев наблюдения птиц этого вида.

26 июля, координаты 56°18' с. ш., 155°28' в. д., глубина 50–70 м. Молодая особь (возраст 2–3 года) держалась около судна, лежащего в дрейфе, с 16:00 час до наступления темноты. Птица не подплывала к судну ближе, чем на 15–20 м. Она кормилась вместе с другими морскими птицами рыбой, выброшенной за борт.

31 июля, координаты 53°18' с. ш., 154°40' в. д., глубина более 200 м. Днем кратковременно наблюдали в полете молодую особь при переходе судна с одной траловой станции на другую.

15 августа в 08:35 час, координаты 54°55' с. ш., 153°55' в. д., глубина 522–525 м. Наблюдали молодую особь во время постановки трала.

15 августа в 16:15 час, координаты 55°01' с. ш., 154°30' в. д., глубина 246 м. После выборки трала за кормой судна на воде в течение 3–5 мин наблюдали взрослую особь, которая затем исчезла из поля зрения. При переходе судна на следующую точку траления (54°45' с. ш., 153°51' в. д., глубина 512–513 м) с 17:30 до 19:30 час за кормой держались две птицы во взрослом наряде. Они следовали за судном на расстоянии от 200–300 м вместе с глупышами *Fulmarus glacialis* и чайками *Larus* sp.

21 августа в 08:55–10:00 час, координаты 54°33' с. ш., 154°00' в. д., глубина 542 м. После выборки трала за кормой судна на воде держались молодая (возраст примерно 3 года) и взрослая особи. Они кормились среди других морских птиц отходами, сбрасываемыми с судна.

Темноспинный альбатрос *Diomedea immutabilis*. В период с 15 по 23 августа в районе между 53 и 55° с. ш. на свале глубин (300–580 м) ежедневно наблюдали при каждом тралении от 2 до 18 особей. В целом, мористее над большими глубинами количество темноспинных альбатросов возрастало, а с приближением к берегу – уменьшалось.

Черноногий альбатрос *Diomedea nigripes*. Зарегистрированы трижды одиночные птицы: 15 августа в 09:05 час (координаты 54°57' с. ш., 153°54' в. д., глубина 522–525 м), 15 августа в 16:15–17:00 час (координаты 55°01' с. ш., 154°30' в. д., глубина 246 м) и 21 августа в 08:55–10:00 час (координаты 54°33' с. ш., 154°00' в. д., глубина 542 м).

Все три вида альбатросов придерживались преимущественно центральной части района исследований, за пределами шельфовой зоны (район свала глубин, желоб Лебеда). Вероятно, это было связано с тем, что в данный период здесь проводился траловый, сетной и донный ярусный лов черного палтуса, в результате чего присутствовали отходы рыбообработки. Ближе к берегу на шельфе промысел вели только маломерные суда типа МРС, которые не осуществляют переработку рыбы. Видимо, по этой причине в шельфовой зоне альбатросов практически не было.

А. В. Винников

СЕВЕРНАЯ КАЧУРКА *OCEANODROMA LEUCORHOA* НА ОСТРОВАХ ДЕМИНА, МАЛАЯ КУРИЛЬСКАЯ ГРЯДА LEACH'S STORM-PETREL *OCEANODROMA LEUCORHOA* ON THE DEMINA ISLANDS, SMALL KURILE ISLANDS

В составе российско-японской безвизовой научной экспедиции 9–10 июня 2005 г. мы обследовали с берега самый крупный из островов Демина. При обходе острова по всему периметру, включая мысы, были осмотрены и закартированы все поселения северных качурок. Для каждой субколонии мы определяли приблизительную площадь, плотность размещения нор, максимальное удаление нор от обрыва, характер окружающей растительности. Если считать все учтенные норы жилыми, то общая численность вида на острове составила около 5100 пар (почти 1300 пар на 1 км береговой линии). Принимая во внимание, что вся группа островов Демина однотипна по строению и растительности, а распределение нор по периметру исследованного острова было равномерным, мы экстраполировали полученные результаты на периметр остальных островов и оценили численность гнездящихся на них качурок в 4700 пар. Таким образом, общая численность этого вида на о-вах Демина составляет примерно 9800 тыс. пар.

Северные качурки гнездятся в местах, где колосняк *Elymus dahuricus* образует дернину, либо под высокой разнотравной растительностью, представленной в основном дудником Гмелина *Angelica gmelinii* и бодяком камчатским *Cirsium kamtschaticum*. Высота нор составляла 85–87 мм, ширина – 125–133 мм, длина – 250–370 мм ($n = 18$). Норы расположены не далее 3,5 м от края обрыва. Плотность размещения обычно составляла 0,3 норы/м², но были участки (как правило, незаросшие военные окопы) с плотностью до 4 нор/м². Все осмотренные норы были однокамерными, с выраженной выстилкой гнезда. Всего закартированы 22 субколонии численностью от 10 до 600 пар. Около половины поселений качурок оказались совместными с тупиками-носорогами *Cerorhinca monocerata*. Однако тупик-носорог не может рыть норы на участках с плотной дерновиной, образованной колосняком, в то время как северная качурка способна устраивать здесь норы в отмерших остатках злака.

М. В. Ушакова

ПОСЕЛЕНИЯ МОРСКИХ ПТИЦ В ЧАУНСКОЙ ГУБЕ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО МОРЯ И ИХ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ГЕОЛОГО-ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИМИ ФАКТОРАМИ SEABIRD COLONIES IN CHAUN BAY, EAST-SIBERIAN SEA, AS RELATED TO GEOLOGICAL STRUCTURE

В ходе маршрута по Чаунской губе во второй половине августа 1984 г. неблагоприятные погодные условия не позволили А. Я. Кондратьеву (1986) детально обследовать побережье. В частности, ему не удалось побывать на отдельно стоящей скале Кыргын, на которую, в результате, был ошибочно помещен «птичий базар». В итоге, поселения морских птиц Чаунской губы оказались некорректно описанными и неверно обозначенными на картах в ряде последующих публикаций (Gavrilov, 1998; Kondratyev et al., 2000; Стишов, 2004).

В 2002–2005 гг. мы проводили учеты водоплавающих птиц вдоль побережья Чаунской губы. Мы проходили на моторной лодке вдоль скалистого юго-западного берега 15–19 июля 2002 г., 13–16 июля и 7 августа 2003 г., 15–16 июля и 3 августа 2004 г., 2 августа 2005 г. Скалу Кыргын мы осматривали 16 июля 2004 г. В составе экспедиции работал

С. Л. Вартанян, которому авторы выражают глубокую признательность за оказанную помощь.

Коренные породы в юго-западной части Чаунской губы вскрываются на 40-километровом участке абразионного берега. Обрывы начинаются в 5 км к юго-востоку от м. Эммытаген и тянутся до м. Горбатого (рис. 1). В обрывах представлены образования двух раннемеловых свит: Утувеевской и Погынденской. В составе Погынденской свиты преобладают аркозовые песчаники и алевролиты, характеризующиеся значительно большей твердостью по сравнению с глинистыми сланцами, присутствующими в составе свиты в виде прослоев. В составе Утувеевской свиты песчано-глинистые, углито-глинистые и глинистые сланцы, напротив, преобладают; здесь алевролиты, полимиктовые песчаники и гравелиты присутствуют в подчиненном количестве в виде прослоев (Григорьев, Паракецов, 1962).

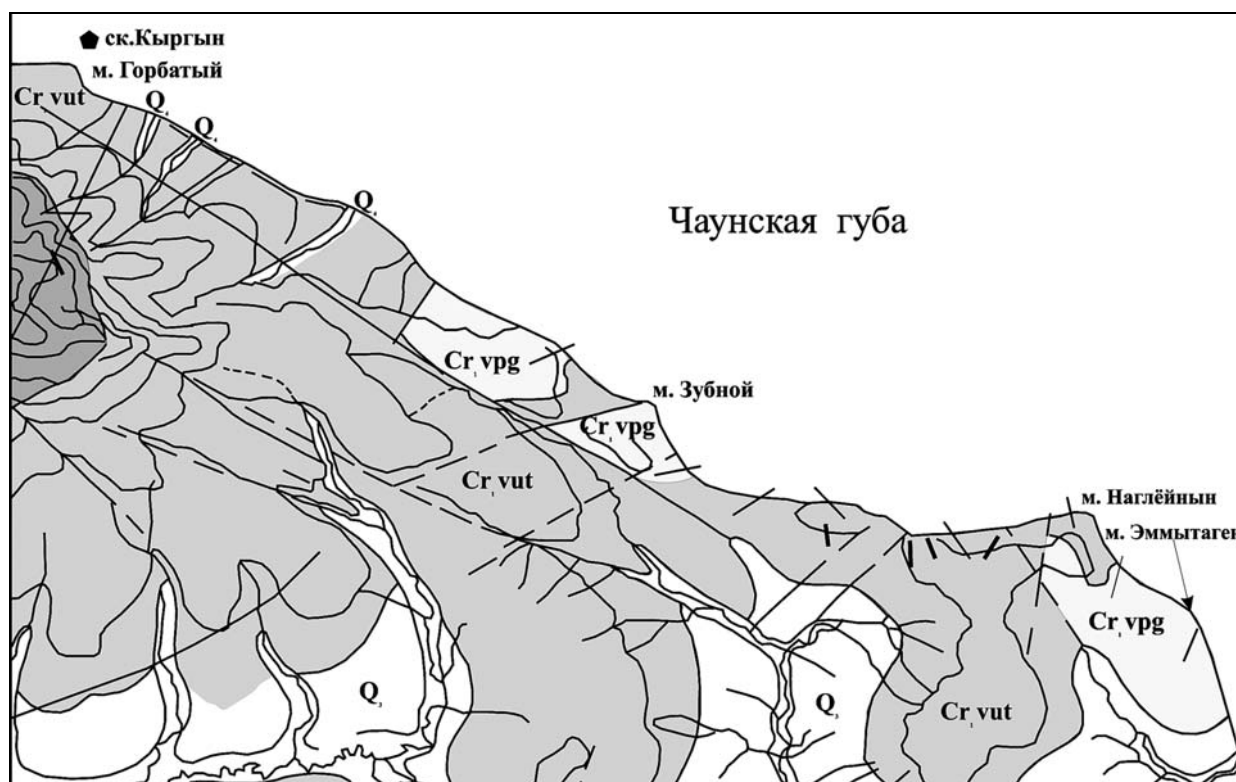

Рис. 1. Геологическая карта юго-западного побережья Чаунской губы масштаба 1:200000 (по: Григорьев, Паракецов, 1962). Условные обозначения: Q₃ – верхнеплейстоценовые отложения, Q₄ – голоценовые отложения, Cr₁vut – нижнемеловые отложения Утувеевской свиты, Cr₁vpg – нижнемеловые отложения Погынденской свиты.

Fig. 1. Geological map of the south-western coast of Chaun Bay (1:200000).

В силу общей закономерности, участки берега, сложенные наименее прочными породами, разрушаются быстрее, образуя бухты, разделенные мысами, сложенными более прочными породами. Таковыми на описываемом участке являются мысы Эммытаген, Наглёйный и Зубной (последнее название дано нами).

Скальный м. Эммытаген имеет высоту обрывов 50 м и расположен в ядре крупной антиклинали, к которому приурочены многочисленные разломы второго порядка и связанная с ними мощная зона окварцевания (что, по-видимому, и делает породы исключительно прочными). Высокая степень дисло-

цированности пород и наличие систем приразломных трещин нескольких порядков, в сочетании с достаточно крутыми углами падения, практически исключили формирование поверхностей, пригодных для гнездования морских птиц, несмотря на высокую прочность пород. Задернованность и малое развитие осыпей косвенно свидетельствуют о невысоком темпе разрушения пород вследствие их высокой прочности. На задернованных уступах располагаются отдельные гнезда бургомистров *Larus hyperboreus*, обычно не более 5–7. В одном из разломов скалы в среднем ярусе гнездятся моевки *Rissa tridactyla* в количестве около 30 пар.

Скальный м. Наглёйнын (высота обрывов 50 м) имеет геологическое строение сходное с м. Эммытаген. Рыхлая колония бургомистров и восточных клуш *Larus heuglini* занимает верхний ярус обрыва и насчитывает 30–40 гнезд.

Мыс Зубной (69°06,501' с. ш., 169°04,116' в. д.) – основная гнездовая колония морских птиц в Чаунской губе – от уреза воды до 2/3 высоты обрыва сложен массивными прочными толстосланцевыми аркозовыми песчаниками Погынденской свиты, переслаивающимися со значительно менее плотными алевролитами. Сочетание прочностных свойств пород с очень малым углом падения пластов (порядка 5°) обеспечило формирование пяти протяженных карнизов, на которых располагается колония моевок и бургомистров. Общая протяженность карнизов – не более 200 м, глубина карнизов – до 0,5 м, максимальная высота обрыва – 12 м. Породы разбиты двумя системами субвертикальных трещин, по которым в некоторых местах происходит обрушение крупных блоков песчаников, в силу чего на карнизах образуются глубокие ниши (до 1 м), имеющие в плане треугольные и трапециевидные очертания. Количество таких ниш невелико. Иногда в местах обрушения глыб песчаников происходит осыпание вышележащих пород, на таких участках гнезда отсутствуют. Самый нижний карниз в северной части обрыва опускается к урезу воды ниже зоны заплеска, поэтому на его северной половине моевки не гнездятся. Второй от уреза воды карниз в самой северной его части разрушен прибоем с образованием протяженной волноприбойной ниши. Верхняя часть обрыва сложена выветренными, существенно менее плотными породами, также формирующими карнизы. Разрез перекрыт маломощным плащом делювиальных отложений, которые, осыпаясь, делают верхние карнизы полностью непригодными для гнездования. Нависание верхних, легко осыпающихся карнизов над гнездовыми, делает последние практически недоступными для песцов. В 2002–2004 гг. штормовая погода исключала подсчет птиц на этом мысу. Лишь 2 августа 2005 г. нам удалось произвести их количественную оценку. На скалах было учтено 420–450 гнезд моевок. Структура их распределения прерывисто-полосчатая, гнезда располагаются вдоль трех нижних карнизов. Как минимум, вдвое большее количество моевок интенсивно кормилось, образуя компактные скопления на воде из 200–300 особей. Кормежка происходила на удалении не более 200 м к

северу и не более 500 м к востоку от оконечности м. Зубного. Глубина непосредственно под обрывом не превышает 2 м, но уже в нескольких метрах от обрыва она достигает 3–5 м.

Верхний ярус базара занимали несколько гнезд бургомистров и восточных клуш. Три года подряд (2002–2004) был зарегистрирован сход с западной части обрыва одиночных беринговых бакланов *Phalacrocorax pelagicus*. Слетев с обрыва на воду, птицы продолжали держаться в непосредственной близости от скалы. В 2003 г. здесь было отмечено 6 бакланов, что позволяет оценить гнездовую популяцию в 3–5 пар. Поскольку мы никогда не посещали сами карнизы, а осматривали их только с воды, гнезд бакланов найдено не было, но ежегодная (кроме 2005 г., когда бакланов на м. Зубном не было, или они не сошли со скалы при подходе лодки) регистрация этих птиц на одном и том же карнизе может служить прямым указанием на их гнездование. В восточной части обрыва в 2004 и 2005 гг. гнездилась пара сапсанов *Falco peregrinus*.

К западу от описанного выше м. Зубного до западного фланга выходов коренных пород в береговых обрывах обнажаются породы Утуевемской свиты, слишком легко разрушаемые для образования пригодных для гнездовий морских птиц уступов. За исключением нескольких пар бургомистров, гнездящихся в верхней части м. Горбатого, поселения морских птиц на этих участках берега отсутствуют.

Одиночная скала Кыргыз расположена в море в 2,5 км к северо-востоку от м. Горбатого и издалека кажется высоким скальным массивом. Именно из-за этого впечатления А. Я. Кондратьев (1986) поместил на нее птичий базар: 21 августа 1984 г. он встретил в море стаю моевок и, предположив, что эти птицы гнездятся на скале Кыргыз, оценил численность колонии в 1500 пар. На самом же деле эта скала имеет высоту 4,5 м и общую площадь не более 100 м² и состоит из нескольких разваливающихся блоков. Вся нижняя часть скалы находится в зоне заплеска, для гнездования птиц пригодны только вершины блоков. На скале Кыргыз 16 июля 2004 г. гнездились только 2–3 пары бургомистров (над скалой летали 14 взрослых птиц, на блоках прятались 3 пуховых птенца).

ЛИТЕРАТУРА

- Кондратьев А. Я. 1986. Колонии морских птиц на арктическом побережье крайнего Северо-Востока СССР // Морские птицы Дальнего Востока. Владивосток: 37–47.
- Григорьев А. И. (ред.), Паракецов К. В. (сост.). 1962. Лист R-59-XXV-XXVI Госгеокарты СССР масштаба 1:200000.
- Стишов М. С. 2004. Остров Врангеля – эталон природы и природная аномалия. Йошкар-Ола: 1–596.
- Gavrilo M. V. 1998. Seabird colonies // Northern Sea Route Dynamic Environmental Atlas. Oslo: 32–33.
- Kondratyev A. Ya., Litvinenko N. M., Shibaev Y. V., Vyatkin P. S., Kondratyeva L. F. 2000. The breeding seabirds of the Russian Far East // Seabirds of the Russian Far East. Ottawa: 37–81.

Д. В. Соловьева, А. Г. Дондуа